

Научная статья  
УДК 32.019.5  
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-31  
EDN: KYSRIJ

**Социальное согласие в условиях балансирующей стабильности  
как политический феномен**

**Роман Владимирович Евстифеев<sup>1✉</sup>, Галина Геннадьевна Евстифеева<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук, г. Москва.

<sup>2</sup>Кандидат социологических наук, доцент кафедры управления, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Владимирский филиал), г. Владимир.

<sup>1</sup>evstifeev@inion.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3851-7035>

<sup>2</sup>gge65@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5009-1141>

**Аннотация.** В статье представлены результаты научно-исследовательской работы «Социальное согласие и социальное самочувствие», выполняемой авторами статьи в 2015-2023 годах во Владимирской области, а также интерпретация результатов и выводы. Результаты исследования, включающие ежегодные социологические опросы по областной выборке (9 опросов) и проведение фокус-групп (30 фокус-групп), демонстрируют стабильно высокие оценки респондентами уровня социального согласия, которые не подвержены влиянию внешних факторов, даже таких мощных как пандемия COVID-19 (2020-2021 гг.) и Специальная военная операция (2022 – настоящее время). Авторы предлагают собственное объяснение данного феномена, в центре которого расширенное понимание социального согласия как антитезы не только несогласию в виде конфликта, но и согласию, полученное путем принуждения. Динамика изменений основных параметров общественного мнения населения Владимирской области позволяет авторам предположить существование феномена балансирующей стабильности, при которой стабильность отношений и процессов зависит от баланса разнообразных интересов, приоритетов и ценностей. Балансирующая стабильность заставляет человека делать важный выбор между публичным отстаиванием своих интересов и поддержкой сложившегося баланса. Такой сознательный выбор может быть как добровольным, так и вынужденным, подталкиваемый набором социальных и государственных инструментов и санкций. Полученные в результате исследования и приведенные в статье данные необходимо рассматривать как сумму сознательных выборов респондентов в пользу сохранения стабильности в обществе. Однако, ответить на вопрос, насколько этот выбор добровольный или вынужденный, в рамках данного исследования не представляется возможным.

**Ключевые слова:** социальное согласие; общественное мнение; социологический опрос; фокус-группы; балансирующая стабильность

---

© Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г., 2024

*Для цитирования:* Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г. Социальное согласие в условиях балансирующей стабильности как политический феномен // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 31-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-3-24-31>. <https://elibrary.ru/KYSRIJ>.

Original article

**Social concertation in conditions of balancing stability  
as a political phenomenon**

**Roman V. Evstifeev<sup>1</sup>**, **Galina G. Evstifeeva<sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Doctor of political science, leading researcher, department of political science, Institute of scientific information on social sciences, Russian academy of sciences, Moscow.

<sup>2</sup>Candidate of sociological sciences, associate professor at department of management, of the Russian academy of national economy and public administration (Vladimir branch), Vladimir.

<sup>1</sup>[evstifeev@inion.ru](mailto:evstifeev@inion.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3851-7035>

<sup>2</sup>[gge65@mail.ru](mailto:gge65@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0006-5009-1141>

**Abstract.** The article presents the results of the research work “Social concertation and social well-being”, carried out by the authors of the article in 2015-2023 in the Vladimir region, as well as the interpretation of the results and conclusions. The results of the study, including annual sociological surveys in the regional sample (9 surveys) and focus groups (30 focus groups), demonstrate consistently high ratings by respondents of the level of social concertation, which are not influenced by external factors, even such powerful as the COVID-19 pandemic (2020-2021) and Special military operation (2022-present). The authors offer their own explanation for this phenomenon, in the center of which there is an expanded understanding of social concertation as the antithesis of not only disagreement in the form of conflict, but also concertation obtained by coercion. The dynamics of changes in the main parameters of public opinion of the population in the Vladimir region allows the authors to assume the existence of the phenomenon of balancing stability, in which the stability of relations and processes depends on the balance of various interests, priorities and values. Balancing stability forces a person to make an important choice between publicly defending their interests and maintaining the current balance. Such a conscious choice can be both voluntary and forced, pushed by a set of social and state tools and sanctions. The data obtained as a result of research and presented in the article should be considered as the sum of conscious choices of respondents in favor of maintaining stability in society. However, it is not possible to answer the question of how voluntary or forced this choice is within the framework of this study.

**Key words:** social concertation; public opinion; opinion poll; focus groups; balancing stability

**For citation:** Evstifeev R. V., Evstifeeva G. G. Social concertation in conditions of balancing stability as a political phenomenon. *Social and political researches*. 2024;3(24): 31-47. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-3-24-31>. <https://elibrary.ru/KYSRIJ>.

**Введение**

Исследования социального согласия в национальных и субнациональных гра-

ницах в последние годы становятся важным элементом разработки и проведения эффективной политики в различных гос-

ударствах, построенной на основе учета состояния и основных социальных характеристиках общественного мнения, что позволяет согласовывать общие цели развития, пути их достижения и разрешения важнейших общественно значимых проблем.

С данной точки зрения использование потенциала социального согласия населения является одним из значимых факторов повышения эффективности социально-экономической системы в целом. Это становится особенно актуальным в условиях неопределенности и санкционного давления, с которым столкнулась Россия в последние годы, когда государственная власть вынуждена брать на себя ответственность за развитие и сохранение общества.

Как отмечал еще в 2015 году известный российский социолог А. Б. Гофман, «тематика социального единства в последние годы занимает центральное место в исследованиях российских ученых разных жанров и масштабов: теоретических и эмпирических, фундаментальных и прикладных. Немногие темы в российской социологии сравнимы с этой по важности и количеству научных работ» [Гофман, 2015, с. 29].

Однако проблематика социального согласия, теоретическое обоснование и практические исследования данного феномена, на наш взгляд, пока еще не в достаточной мере присутствуют в научном дискурсе.

Это во многом объясняется сложностью и многогранностью самого понятия социального согласия, которое может рассматриваться с различных, часто противоречащих друг другу теоретико-методологических позиций, что способствует получению противоречивых и несопоставимых результатов и выводов.

Как отмечают авторы монографии «Динамика социально-политических отношений и феномен согласия в современном обществе» согласие «как категория общественной науки многогранно и многоаспектно, выступает в качестве предмета исследования в различных дисциплинах» [Динамика социально-политических ... , 2019, с. 8].

В результате концепт «согласие» оказывается содержательно перегруженным, чрезвычайно зависимым от контекста, обладающим «фасеточной» структурой, то есть фрагментарно разбитым на большое количество элементов, каждый из которых претендует на формирование собственной масштабной парадигмы социально-гуманитарного знания, что препятствует выработке какого-то единого подхода к рассмотрению и пониманию социального согласия.

А. Б. Гофман приводит впечатляющий список близких по значению слов, которые употребляются для обозначения различных аспектов социального единства: «единство; единение; общность; единогласие; соединение; объединение; единомыслие; единоподушие; слияние; сцепление; спайка; монолитность; собранность; сплоченность; согласие; альтруизм; тождество; идентичность; принадлежность; симпатия; консолидация; связь; привязанность; дружба; братство; узы; скрепы; интеграция; ассоциация; союз; содружество; товарищество; кооперация; сотрудничество; гармония; взаимность; взаимопомощь; взаимобмен; совместность; вовлеченность...» [Гофман, 2015, с. 30].

Как видно из этого перечня, большинство из терминов легко пересекают границы между социальным и политическим, соединяя в себе и то, и другое.

Именно поэтому актуальной представляется задача рассмотреть социальное согласие как политический феномен

в специфических условиях российского региона (2015-2023 годы).

Для решения этой задачи в данной статье мы будем использовать материалы и результаты научно-исследовательской работы «Социальное согласие и социальное самочувствие», выполняемой авторами в 2015-2023 годах в рамках Государственной программы Владимирской области «Реализация государственной национальной политики во Владимирской области», утверждённой постановлением администрации Владимирской области от 29.12.2017 № 1169.

### Обзор литературы

Социальное согласие как феномен довольно давно вошло в центр научного рассмотрения. Можно сказать, что проблема согласия является традиционной для общественных наук. В научных концепциях и парадигмах общество часто рассматривается с позиций согласия, солидарности, диалектики порядка и конфликта.

Отметим, что проблемы социального согласия изучались многими учеными, начиная с древнегреческих (Платон, Аристотель), древнеиндийских (Каутилья) и древнекитайских (Конфуций) философов.

Поиски основополагающих ценностей, скрепляющих общество, во многом сформировали современную общественную науку, и мы не будем подробно останавливаться на долгой и драматической истории развертывания идеи социального согласия в Античности, Средневековье и в Новое Время.

Для целей данной статьи полезным будет выделить конфликтологический подход к изучению общества, связанный с работами К. Маркса, согласно которому в классовом обществе не может быть согласия между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Данный подход оста-

ся довольно актуальным и в наше время [Цит. по Бугайчук, 2021].

С иной точки зрения рассматривал общество Э. Дюркгейм, предлагавший обратить внимание на явление солидарности, которая и создает общество [Цит. по Гражданская идентичность, 2022].

Теоретический конфликт этих мыслителей заложил основу для *двух масштабных подходов* к социальному согласию, в рамках которых ведут свои исследования современные ученые.

*Первый подход* вслед за Марксом утверждает, что социальное согласие недостижимо без радикальных общественных преобразований (например, построения бесклассового общества). Согласно *второму подходу* – социальное согласие предпочтительное и необходимое состояние, предполагающее отсутствие открытых деструктивных противоречий.

Представляется, что и тот, и другой подходы предлагают слишком высокие уровни обобщения для проведения конкретных исследований, поэтому целесообразно будет обратиться к выделению нескольких теорий «среднего уровня», с помощью которых можно рассматривать конкретные общественные группы.

Но нашему мнению, наибольшим потенциалом в рамках данного исследования обладают *три актуальных теоретических направления*, в той или иной степени воспринятые социально-политической наукой: *теории институционализма, теории социального капитала и теории социальной идентичности*.

Сторонники институционализма видят в качестве определяющего фактора развития общества социальные институты, то есть устойчивые социальные связи и практики, связывая социальное согласие с уровнем развития социально-экономических институтов, включая раз-

ветвленные методики измерения «субъективного благосостояния»: от измерений уровня социального самочувствия [Oman, 2021; Фролова, 2023], до измерения «индекса счастья» [Cheung, 2021; Russo, 2022]. Из достижений институциональных теорий и методик отметим работы Элино́р Остром [Ostrom, 1990] и Дугласа Норта [Норт, 2011].

Остром получила Нобелевскую премию в 2019 году за работы по изучению влияния общественного выбора на создание и распределение общественных благ. С точки зрения Остром, в отличие от классической экономической теории, в функционировании общества есть существенная проблема, связанная с тем, что большинство ресурсов, необходимых для жизни сообщества, являются общественным благом. Отсюда возникает проблема и необходимость эффективного использования этого дефицитного ресурса, на который претендует гораздо больше людей, чем этот ресурс может удовлетворить. Проблемную сторону этого конфликта Остром метафорически назвала «трагедией общин», для выхода из которой необходимо доверие и согласие [Ostrom, 1990].

«Патриарх институционализма» Норт несколько лет назад вместе со своими коллегами выдвинул теорию о существовании обществ «открытого доступа» и обществ «ограниченного доступа». Не вторгаясь в объяснение всех параметров данной теории, отметим только то, что одним из главных показателей перехода от общества ограниченного доступа к обществу открытого доступа является уровень доверия, повышение которого позволяет резко снижать транзакционные издержки и более эффективно распределять ресурсы [Норт, 2011].

Теории институционализма позволяют лучше понять феномен социального согласия, связывая воедино материаль-

ное положение индивидов и социальных групп, и их социальную активность в сфере понимания и интерпретации окружающей реальности [Layard, 2023].

Теории социального капитала рассматривают согласие и доверие между членами сообщества как способы снижения издержек в процессе взаимодействия. Теории социального капитала, не претендуя на то, чтобы быть универсальными методологическими инструментами, тем не менее позволяют настроить исследовательскую оптику таким образом, чтобы ученый мог учесть характер взаимодействия отдельных индивидов и групп, включая оценки социального согласия [Almakaeva, 2021; Social Capital, 2016].

Теории социальной идентичности, которые успешно применяются сегодня в рамках политической науки и социологии, подходят к рассмотрению общества с точки зрения наличия у его членов особых социальных характеристик, позволяющих создавать устойчивые объединения, например, различные социально-демографические группы и поколенческие когорты, которые могут иметь собственную идентичность [Коряковцева, 2023; Бугайчук, 2021; Коряковцева, 2018; Коряковцева, 2016; Гражданская идентичность, 2022]. С точки зрения этих теорий, важно понять, что лежит в основе объединения сообщества и каким образом это объединение происходит. Представляется, что данная группа теорий важна для понимания уровней и характеристик национальной и региональной идентичности как основы социального согласия [Cheshmehzangi, 2020; Russia's Regional Identities, 2018; Евстифеев, 2020; Задорин, 2015].

Укажем также на опыт изучения социального согласия и социальной сплоченности Организации экономического сотрудничества в Европе (ОЭСР,

Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD). Эти проекты основаны на огромном количестве данных и охватывают более 40 государств, что позволяет проводить важные и полезные сравнения [Perspectives on global development, 2011]. Еще более масштабным является проект по изучению социального благополучия в странах мира, предпринятый ОЭСР и включающий в себя не только исследование современного состояния [How's Life?, 2011; How's Life?, 2015; How's Life?, 2020], но и измерение динамики социального благополучия в странах мира за последние 200 лет [How was Life?, 2014].

Нельзя не отметить, что довольно большое количество работ, посвященных изучению феномена социального согласия опубликовано за последние 10 лет и российскими исследователями.

Открывает этот период работа М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой, посвященная оценкам россиянами глубоких и масштабных изменений, произошедших в экономической, социальной и политической жизни российского общества в 90-е годы прошлого века и в десятые годы века нынешнего [Горшков, 2013]. Авторы, используя описанные выше подходы (неоинституционализм, теории социального капитала, теории социальной идентичности) на основе богатого набора данных, делают выводы о том, что российскому обществу свойственны поиски собственного проекта развития, основанного на объединении подавляющего большинства населения.

Отметим ряд публикаций в рамках социологической теории, прежде всего, работы Л. М. Дробижевой, посвященные межнациональным основам социального согласия в России. Автором делается вывод, что российская идентичность (являющаяся государственно-гражданской) связана с межнациональ-

ным согласием и создает базу для консолидационных процессов [Дробижева, 2014; Дробижева, 2017].

Теоретической близостью с работами Дробижевой характеризуется публикация В. Е. Дронова [Дронов, 2016], в которой перспективы развития российского общества анализируются с точки зрения цивилизационного подхода. Автор обосновывает наличие в российском обществе архетипа согласия, который может лечь в основу новой надкультурной цивилизационной идеологии.

Институт социологии РАН (с 2016 г. – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН) с 2011 года публикует серию работ, посвященных рассмотрению социального согласия с различных сторон [Согласие в обществе, 2011; Согласие в обществе, 2014; Динамика социально-политических ... , 2019], в том числе изучению политического согласия как основы стабильного развития общества [Политическое согласие, 2016].

Теоретическому обоснованию понятия «социальная сплоченность» посвящена работа Е. Р. Ярской-Смирновой и В. Н. Ярской [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014], в которой авторы, основываясь на идеях классической социологии, раскрывают широкий спектр значений сплоченности: от общего блага до источников межгрупповых конфликтов, от стратегии социальной политики до оснований националистических идей.

С интересной точки зрения рассматривают социальное согласие Д. В. Ефременко с соавторами, предлагая считать главными факторами социального сплочения солидарность и альтруизм [Ефременко, 2014].

Однако, представляется, что ввиду сложности и многоаспектности явления социального согласия, в этом направлении сделано далеко не все, более того,

имеются явные лакуны в изучении, например, зависимости социального согласия от контекста, от социально-экономической ситуации, в исследовании факторов политизации социального согласия, устойчивости социального согласия и т. д.

#### **Методы исследования**

В статье использованы данные, полученные в результате проведения научно-исследовательской работы «Социальное согласие и социальное самочувствие», выполняемой по заказу правительства Владимирской области в 2015-2023-м годах. Научным руководителем работы являлся один из авторов статьи.

Общая цель научно-исследовательской работы заключалась в комплексном изучении уровней социального согласия и социального самочувствия населения Владимирской области. В рамках данной научной статьи мы в качестве объекта исследования будем рассматривать только феномен социального согласия.

Основные методы исследования:

- анализ современных научных подходов к пониманию и исследованию социального согласия;

- девять социологических опросов по региональной репрезентативной выборке, проведенных в 2015-2023 годах во Владимирской области;

- 30 фокус-групп, проведенных в 2015-2023 годах в муниципальных образованиях Владимирской области.

Анализ современных научных публикаций по направлениям исследования проводился методом содержательного контент-анализа российских и зарубежных публикаций и был направлен на обобщение современных актуальных теоретических подходов к рассмотрению социального согласия. В результате анализа производилась коррекция и точная

настройка методов проведения исследования.

Социологический опрос проводился раз в год с 2015 по 2023 годы по ежегодно обновляемой выборке, репрезентирующей население Владимирской области по основным характеристикам (пол, возраст, тип населенного пункта постоянного проживания). Объем выборочной совокупности каждого опроса – 1 000 респондентов. Генеральную совокупность составило все население Владимирской области в возрасте 18 лет и старше. Ошибка выборки не превышает 3,2 %.

Особенностью метода являлось сохранение основных методологических и содержательных принципов для всех девяти проведенных опросов.

Опрос проводился методом очного анкетирования респондентов по месту проживания. Отметим, что вопросы анкеты не менялись в течение всего периода проведения исследования (2015 – 2023 гг.), что позволяет проводить широкие сравнения и выявлять динамику изменения общественного мнения.

Фокус-групповые дискуссии (30 фокус-групп в 2015-2023 гг.) проводились с основными социальными категориями: студенты, работающая молодежь, работающие граждане, пенсионеры, работники бюджетных организаций, предприниматели и т. д., что позволило представить широкий спектр мнений и интересов.

#### **Полученные данные и результаты**

##### ***Социальное согласие и его***

##### ***социально-экономическая основа***

Дизайн социологического опроса, ежегодно проводимого в 2015-2023 гг., предполагал целый ряд вопросов в анкете, позволявших выявить цели и идеи, которые, по мнению респондентов, могли бы сплотить россиян, а также ценности, которые могли бы объединить жите-

лей Владимирской области в единую общность.

Лидером среди наиболее значимых целей, которые, по мнению респондентов, могли бы сплотить россиян, является позиция «Повышение качества жизни», которая, несмотря на некоторые отклонения, тем не менее стабильно занимает первое место (2023 – 40,3 % (2022 – 46,5 %, 2021 – 48,7 %, 2020 – 41 %, 2019 – 47,1 %, 2018 – 51,1 %, 2017 – 51,3 %, 2016 – 52,5 %).

Почти треть респондентов отдают предпочтение позициям «Наведение порядка в стране» (2023 – 28,8 %, 2022 – 30,1 %, 2021 – 29,9 %, 2020 – 26 %) и «Создание равных для всех возможностей» (2023 – 26,6 %, 2022 – 30 %, 2021 – 27,8 %, 2020 – 36,2 %).

Среди остальных целей можно отметить такие позиции как «Обеспечение личных прав граждан» (2023 – 26,3 %; 2022 – 19,9 %), «Возврат к социалистическим ценностям и идеалам» (2023 – 13,3 %; 2022 – 9,4 %), «Возрождение сильной и уважаемой державы» (2023 – 20,4 %; 2022 – 16,3 %), «Возрождение величия русского народа» (2023 – 17,2 %; 2022 – 11,4 %), «Укрепление дружественных и доброжелательных отношений между народами, населяющими Россию» (2023 – 22,7 %; 2022 – 16,8 %), «Установление уважительных отношений между людьми, исповедующими разные верования» (2023 – 14,9 %; 2022 – 10,1 %).

Среди объединяющих жителей региона ценностей, которые выбрали респонденты, лидируют две позиции: «Общая территория проживания» (2023 – 57 %, 2022 – 49,3 %, 2021 – 53,6 %, 2020 – 56,7 %, 2019 – 53,1 %, 2018 – 62 %, 2017 – 62 %, 2017 – 64,1 %) и «Общая многовековая история» (2023 – 42,6 %, 2022 – 36,7 %, 2021 – 43 %, 2020 –

44,9 %, 2019 – 32,8 %, 2018 – 41,3 %, 2017 – 41,9 %, 2016 – 40,9 %).

Отметим стабильность предпочтений респондентов, которая почти не менялась, несмотря на происходящие в стране и мире события в 2015-2023 гг.

Социально-экономической основой сложившегося социального согласия можно считать степень удовлетворенности жизнью, которую можно операционализировать как сочетание оценок населением своего текущего состояния, оценок будущего, а также оценок существующих угроз и тревог.

Главной тенденцией прошедших 9 лет было увеличение долей тех респондентов, которых можно отнести к «среднему классу» с одновременным уменьшением доли самых бедных респондентов и, как результат, рост позитивных оценок своего текущего состояния.

Не менее позитивно оценивают жители региона перспективы развития. Стабильно высокой остается доля респондентов, ощущающих оптимизм и уверенность в будущем. В 2023 году таких респондентов было 23,4 % (2022 – 21,1 %, 2021 – 18,6 %, 2020 – 23,9 %). При этом почти треть респондентов, думая о будущем, испытывают надежду: 2023 – 29,5 %, 2022 – 30,0 %, 2021 – 30,4 %, 2020 – 32,1 %.

Начиная с 2021 года, из года в год уменьшается доля респондентов, которые испытывают разочарование (2021 – 8,3 %, 2022 – 8,0 %, 2023 – 3,1 %). Вместе с этим отметим, что происходит существенный рост доли респондентов, ощущающих тревогу и опасения при размышлениях о будущем (2020 – 10,7 %, 2021 – 14,2 %, 2022 – 12,9 %, 2023 – 17,2 %).

В рамках ежегодных опросов выявляются также основные опасения и тревоги респондентов. «Тройка лиде-

ров» среди страхов и опасений респондентов остается неизменной все годы наблюдений:

- «Опасения большой войны»;
- «Потеря здоровья мной или моими близкими»;
- «Опасения несчастливой судьбы своих детей».

Рост опасений большой войны фиксируется с 2021 года. Рекордно низкое значение этого показателя было зафиксировано в 2020 году – 31,8 %. В 2021 и 2022 годах наблюдался рост и в 2023 году показатель достиг значения 65,3 % (2021 – 42,5 %, 2022 – 51,1 %). Таким образом, более двух третей респондентов воспринимают эту угрозу как значимую для себя. При этом данное опасение лидирует во всех возрастных когортах.

На втором месте в 2023 году, несмотря на небольшое снижение значимости, осталась позиция «Потеря здоровья мной или моими близкими»: 2023 – 39,6 %, 2022 – 43,6 %, 2021 – 47,3 %, 2020 – 43,9 %, 2019 – 41,3 %.

На третьем месте – опасения несчастливой судьбы своих детей. Отметим, что по этой позиции также произошло снижение значимости: 2023 – 25,8 %, 2022 – 33,4 %, 2021 – 30,4 %, 2020 – 31,2 %, 2019 – 30,2 %.

В целом по остальным измеряемым позициям результаты фиксируют общее снижение тревожности, несмотря на сохранение в общественном сознании довольно разнообразной картины страхов и опасений.

Результаты опроса позволяют также выявить и оценить значимость основных проблем респондентов, среди которых самыми значимыми стабильно остаются «Качество медицинского обслуживания» (2023 – 46,2 %, 2022 – 46,9 %, 2021 – 51,7 %, 2020 – 43,1 %, 2019 – 41,6 %), «Рост цен на продукты питания и про-

мышленные товары» (2023 – 45,6 %, 2022 – 48 %, 2021 – 55,7 %, 2020 – 45,5 %, 2019 – 48,5 %), «Повышение цен на коммунальные услуги» (2023 – 33,7 %, 2022 – 27,5 %, 2021 – 33,5 %, 2020 – 33,1 %, 2019 – 39,5 %).

В целом, представленная динамика может говорить, с одной стороны, о постепенных улучшениях в важнейших сферах жизни населения, а с другой стороны, о том, что в общественном сознании нарастает осознание происходящих позитивных изменений.

Таким образом, опросы выявили несомненный позитивный тренд в социально-экономической сфере, характеризующийся устойчивой тенденцией к уменьшению количества малообеспеченных жителей и к росту количества граждан, относящих себя к «среднему классу». Видимо, как результат, граждане довольно оптимистично оценивают не только настоящее, но и будущее.

При этом результаты проведенных опросов не показывают существенной поляризации населения, несмотря на имеющиеся различия по основным социально-демографическим характеристикам.

По всей вероятности, общественным сознанием пройден определенный цикл, от волны позитива в 2018 году и роста тревожности в 2019-2021-м годах – к возвращению в 2023 году на позиции, близкие к показателям 2018 года, с высоким уровнем социального согласия.

**Межнациональные  
и кросс-конфессиональные  
основания социального согласия**

Одним из важнейших показателей и проявлений социального согласия в обществе является состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. В опросах 2015-2023 годов были

предусмотрены вопросы, позволяющие выявить:

- национальную самоидентификацию респондентов;
- соотношение общегражданской и этнической самоидентификации;
- уровень конфликтности в межэтнической сфере;
- уровень конфликтности в межконфессиональной сфере.

Из года в год более половины респондентов в первую очередь считает себя россиянами (2023 – 56,6 %). Для более 20 % (2023 – 22,7 %) респондентов характерно в равной степени рассматривать себя и россиянином, и представителем своего собственного народа.

Таким образом, общегражданская идентичность стабильно является более важной для респондентов, чем идентичность этническая.

Доля респондентов, которые в значительной степени ощущают близость с гражданами России, стабилизировалась на уровне 27-30 % (2023 – 28,9 %; 2022 – 27,8 %; 2021 – 31,2 %; 2020 – 30,9 %; 2019 – 17,3 %). При этом довольно стабильна и доля респондентов, которые ощущают такую близость в некоторой степени (2023 – 54,0 %; 2022 – 54,1 %; 2021 – 51,5 %; 2020 – 49,5 %; 2019 – 62,4 %).

Суммирование этих показателей позволяет заключить, что более 80 % респондентов ощущают близость с гражданами России. Доля респондентов, которые не ощущают такой близости, резко снизилась в 2021 году, и опять несколько подросла в 2022 и 2023 году. Нужно отметить, что показатель 2023 года все равно ниже аналогичных данных за 2018, 2019 и 2020 годы. При этом есть и такие респонденты (и их доля не так уж и мала), которые совсем не ощущают близости с гражданами России (2023 – 17,1 %).

По отношению к представителям своей национальности жители Владимирской области испытывают, прежде всего, уважение (41,5 %). На втором месте оказывается солидарность (38,3 %), на третьем – гордость (34,2 %), доверие (24,4 %) на четвертом месте. Негативные чувства респонденты испытывают значительно менее интенсивно: равнодушие (7,8 %), стыд (2,4 %), возмущение (2,9 %), вражду (0,9 %).

В отношении к представителям других национальностей почти половина опрошенных (2023 – 48 %) указывает на полное отсутствие негативного отношения и агрессии к представителям других национальностей.

Большинство респондентов оценивают межнациональные отношения как ровные и бесконфликтные (2023 – 61,9 %; 2022 – 63,7 %; 2021 – 58,4 %; 2020 – 60,2 %; 2019 – 58,6 %). Менее 4 % респондентов отмечают взрывоопасность взаимоотношений между различными национальностями.

Более 90 % респондентов никогда не встречались со случаями оскорблений в связи с родным языком (94,2 %), национальностью (91,2 %) или религиозной принадлежностью (93,7 %). Во многом это связано с этнической однородностью населения региона, основанной на преобладании представителей русской нации. Почти 80 % респондентов полностью уверено в невозможности возникновения в области серьезного конфликта на национальной либо религиозной почве.

Что касается межконфессиональных отношений, то более 60 % респондентов не видят никаких конфликтов в этой сфере, а почти 20 % респондентов оценивают эти отношения как доброжелательные и способствующие согласию.

При этом отметим, что, говоря о межконфессиональных отношениях,

необходимо иметь в виду, что вовлеченность в религию и религиозные практики у населения нельзя назвать глубокой. Довольно большая доля респондентов причисляет себя к верующим, и, более того, к определенной конфессии, тем не менее они довольно редко посещают религиозные храмы, не участвуют в жизни церковных общин и т. д.

В целом, социологические опросы 2015-2023 годов фиксируют стабильную и позитивно развивающуюся ситуацию в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, а также достигнутый высокий уровень социального согласия, который слабо чувствителен к событиям в стране и мире.

***Социальное согласие в системе ценностей и запросов граждан (по данным качественных методов)***

Проведение в 2015-2023 гг. 30 фокус-групп на тему «Социальное самочувствие и социальное согласие» с различными категориями населения позволило уточнить и содержательно наполнить некоторые параметры, выявленные с помощью массовых опросов.

Все участники фокус-групп признают необходимость социального согласия в обществе, понимая социальное согласие как взаимопонимание между различными группами населения. При этом большинство респондентов оценивают уровень социального согласия как средний.

Участники фокус-групп из различных социальных страт в целом одинаково признают ценность социального согласия, видя в нем, прежде всего, возможности для стабильного спокойного развития. Однако обсуждение конкретных примеров социального согласия во всех группах было сопряжено с определенными трудностями: участники не могли вспомнить такие примеры, не могли их

описать, не могли показать позитивный характер социального согласия.

Участники фокус-групп подтвердили результаты массового опроса о том, что в общественном мнении распространена убежденность в малой вероятности возникновения волнений и беспорядков на межнациональной и межконфессиональной основе.

В ходе проведения фокус-групп были выявлены *три основополагающие проблемы*, которые оказались общими для участников из различных социальных групп: *справедливость, равенство, самореализация*.

При обсуждении проблемы справедливости на фокус-группах говорилось, прежде всего, о несправедливом распределении доступа к ресурсам в зависимости от различных факторов, таких как место проживания (региональные и субрегиональные различия и диспропорции), социальные характеристики (пол, возраст, образование), политические пристрастия (партийная принадлежность, политические взгляды).

Негативно на социальное согласие также влияет, по мнению респондентов, существующее неравенство, которое начинается, по словам участников, с раннего детства, со школы. Причинами неравенства респонденты называют неравенство возможностей между бедными и богатыми, между политической элитой и остальными гражданами. Пути преодоления неравенства и достижения справедливости видятся участниками фокус-групп крайне обобщенно и неконкретно. Иными словами, равенство и справедливость остаются скорее идеями, чем операционализированными понятиями, инструментами, с помощью которых можно менять жизнь к лучшему.

При этом разговоры о неравенстве и несправедливости в фокус-группах 2021-2023 годов вызывают у участников, ско-

рее, раздражение, чем облегчение, порождая негативную реакцию, по всей видимости, из-за осознания невозможности что-то изменить.

Возможно, что осознание недостижимости быстрых позитивных изменений и ощущение нарастающих внешних и внутренних проблем порождают в общественном мнении специфические консервативно-критические оценки социально-экономической ситуации.

Отметим также, что в фокус-группах 2021-2023 годов участники более настоятельно говорили о политике и различных политических взглядах, которые могут разделить общество, настаивая на необходимости объединения перед лицом новых вызовов.

Во всех группах был зафиксирован также запрос на самореализацию, выраженный всеми участниками и заключающийся в желании что-то сделать для общества помимо своей профессиональной деятельности, то есть состоять как активный и полезный член общества. По мнению участников фокус-групп, социальное согласие предполагает не только молчаливое соглашение с общими ценностями и целями, но и участие в определении и достижении этих целей. Однако как первое, так и второе часто является проблематичным, в результате чего возникает напряжение между желаниями и возможностями, приводящее к понижению уровня социального согласия.

В исследовании 2019 года впервые было зафиксировано осознание новой проблемы – проблемы будущего, то есть эмоционально окрашенные ожидания улучшения состояния в ближайшем будущем для себя и своих детей. Интенсивность осознания этой проблемы снижалась в период пандемии COVID-19 (2020-2021 гг.), но в 2022-2023 годах эта проблема опять стала актуальной.

В целом, дискуссии по обсуждению социального согласия, а также проблем равенства, справедливости, самореализации в обществе показали, что для граждан эти темы являются живыми, напряженными и актуальными. Они находятся в центре внимания общественного сознания, их обсуждают со своими близкими и друзьями, и на этой основе выстраивают свои отношения в социуме.

Однако динамика высказываний в фокус-группах с 2015 по 2023 г. показывает, что при обсуждении вопросов социального согласия участники групп последних лет более склонны ориентироваться на политические факторы, определяющие необходимость социального согласия – общие политические цели страны, внешнее негативное давление, общеполитическая ситуация в мире, внутренние проблемы и ограничения и т. д.

#### **Интерпретация полученных данных и выводы**

По нашему мнению, в центр интерпретации полученных данных необходимо поставить один важнейший, хотя и неочевидный вопрос:

*Как так получается, что в общественном мнении населения региона по поводу социального согласия оказываются почти незаметными важнейшие события, касающиеся всей страны, – пандемия COVID-19 (2020-2021) и Специальная военная операция (2022 – настоящее время)?*

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет принципиальное значение и содержательную ценность, позволяя понять сущность феномена социального согласия и обнаружить факторы, влияющие на его основные характеристики.

Анализ научной литературы по теме и наши исследования подсказывают, что

диалектической противоположностью социального согласия может являться не только несогласие в виде конфликта, но и согласие, полученное путем принуждения [Филиппов, 2023].

С этой точки зрения стоит обратить внимание не на собственно социальное согласие, которое вполне убедительно представлено в нашем исследовании, а на условия, в которых это согласие сформировалось.

Динамика изменений основных параметров общественного мнения населения Владимирской области, изучаемого нами с 2015 г., позволяет предположить существование особого феномена, названного нами *феноменом балансирующей стабильности*, то есть такой социальной ситуации, при которой стабильность отношений и процессов зависит от баланса разнообразных интересов, приоритетов и ценностей. Иными словами, балансирующая стабильность заставляет человека делать важный выбор – либо публично отстаивать свои интересы, нарушая стабильность, либо продолжать поддерживать баланс, даже в ущерб собственным интересам.

Социальное согласие в условиях балансирующей стабильности – сознательный выбор человека и социальной группы в пользу сохранения стабильности, поддержания нормальности, даже если ситуация выходит за рамки привычных обстоятельств. При этом такой сознательный выбор может быть как добровольным, так и вынужденным, подталкиваемый набором общественных и государственных инструментов и санкций.

В результате, полученные и приведенные в статье данные необходимо рас-

сматривать как сумму сознательных выборов респондентов в пользу сохранения стабильности в обществе. Таким образом, ответ на вопрос, поставленный выше, может звучать так: это сознательный выбор граждан в пользу сохранения стабильности.

Однако, ответить на вопрос, насколько этот выбор добровольный или вынужденный, в рамках данного исследования не представляется возможным без дополнительного изучения. Более того, такая постановка вопроса поднимает целый пласт новых научных проблем, связанных с необходимостью оценивать устойчивость, изменчивость и гибкость (резильентность) социального согласия, а также степень добровольности/ принудительности принятия населением тех или иных норм и ценностей в качестве основы для социального согласия.

Таким образом, в качестве главного вывода исследования можно сформулировать следующее положение:

Динамику изменения социального согласия можно обозначить как балансирующую стабильность, в условиях которой граждане делают свой выбор в пользу сохранения стабильности, отступая от необходимости публичной репрезентации собственных интересов в пользу общепринятого и поддерживаемого средствами государства понимания общего блага.

Таким образом, вопрос социального согласия в условиях балансирующей стабильности попадает в поле политическое и становится политическим вопросом.

#### Библиографический список

1. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 319 с.

2. Горшков М. К. Социокультурные факторы консолидации российского общества / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. Москва : Институт социологии РАН, 2013. 54 с.
3. Гофман А. Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36.
4. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 179 с.
5. Динамика социально-политических отношений и феномен согласия в современном обществе / отв. ред. О. М. Михайленок. Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. 197 с.
6. Дробижева Л. М. Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие: теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12-16.
7. Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 25-36.
8. Дронов В. Т. Согласие как цивилизационный архетип российского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 157-160.
9. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Выпуск 4. С.75-89. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-75-89.
10. Ефременко Д. В. Солидарность и альтруизм как факторы социального сплочения / Д. В. Ефременко, О. А. Симонова, Я. В. Евсеева // Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. научных трудов / отв. ред. Д. В. Ефременко Москва : ИНИОН РАН, 2014. С. 5-15.
11. Задорин И. В. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля / И. В. Задорин, Р. В. Евстифеев, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев, Л. В. Шубина. Москва : Исслед. группа ЦИРКОН, 2016. 120 с.
12. Коряковцева О. А. Размышления о гражданской идентичности российской молодежи // Социально-политические исследования. 2023. № 4 (21). С. 6-18. DOI:10.20323/2658\_428X\_2023\_4\_21\_6.
13. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. Москва : Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
14. Политическое согласие: от теории к практике / под ред. проф. О. М. Михайленка. Москва : РУСАЙНС, 2016. 276 с.
15. Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты) / отв. ред. О. М. Михайленок. Москва : Ин-т социологии РАН, 2011. 335 с.
16. Филиппов А. Р. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия / А. Р. Филиппов, О. Г. Новиков // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 5. С. 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28.

17. Фролова Е. В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 160-166. DOI: 10.31857/S013216250024327-2
18. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики / Е. Р. Ярская-Смирнова, В. Н. Ярская // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 4. С. 41–61.
19. Almakaeva A. Social Capital and Subjective Well-Being: Insights from Cross-Cultural Studies. 2021. 274 p.
20. Cheung Ch., Yue X. Happiness and Well-Being in Chinese Societies. Routledge. 2021.
21. Cheshmehzangi A. Identity of Cities and City of Identities. Singapore: Springer Nature Singapore. 2020. 261 p.
22. How Was Life?: Global Well-being since 1820, OECD Publishing. 2014.
23. How's Life? 2020. Measuring well-being. OECD. 2020.
24. How's Life? Measuring Well-being, OECD Publishing, Paris. 2015.
25. How's Life?: Measuring well-being, OECD Publishing. 2011.
26. Layard R., de Neve J.-E. Wellbeing. Science and Policy. Cambridge University Press. 2023.
27. Oman S. Understanding Well-being Data: Improving Social and Cultural Policy, Practice and Research. 2021. 405 p.
28. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. 1990. Cambridge University Press. 298 p.
29. Perspectives on global development 2012. Social cohesion in a shifting world / OECD, 2011.
30. Russia's Regional Identities. The Power of the Provinces // Edited by Edith W. Clowes, Gisela Erbslöh and Ani Kokobobo. Routledge, New York, 2018.
31. Russo M. Happiness and Domestic Life: The Influence of the Home on Subjective and Social Well-being. 2022. 264 p.
32. Social Capital and Community Well-Being. The Serve Here Initiative / Ed. Alva G. Greenberg, Thomas P. Gullotta, Martin Bloom. Springer, 2016.

#### Reference list

1. Bugajchuk T. V. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti molodogo pokolenija v period sociokul'turnoj transformacii sovremennoj Rossii = Formation of the civic identity of the young generation during the period of socio-cultural transformation of modern Russia : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. 319 s.
2. Gorshkov M. K. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva = Socio-cultural factors of Russian society's consolidation / M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. Moskva : Institut sociologii RAN, 2013. 54 s.
3. Gofman A. B. Konceptual'nye podhody k analizu social'nogo edinstva = Conceptual approaches to social unity analysis // Sociologicheskie issledovanija. 2015. № 11. S. 29–36.
4. Grazhdanskaja identichnost' rossijan: sovremennij politicheskij koncept = Civil identity of russians: a modern political concept : kollektivnaja monografija / pod nauch. red. O. A. Korjakovcevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 179 s.

5. Dinamika social'no politicheskikh otnoshenij i fenomen soglasija v sovremennom obshhestve = The dynamics of social and political relations and the phenomenon of consent in modern society / otv. red. O. M. Mihajlenok. FNISC RAN. Moskva : FNISC RAN. 2019. 197 s.

6. Drobizheva L. M. Gosudarstvenno-grazhdanskaja identichnost' i mezhjetnicheskoe soglasie: teoreticheskie i social'no-prakticheskie problemy = State-civil identity and interethnic harmony: theoretical and socio-practical problems // Vlast'. 2014. №11. S. 12-16.

7. Drobizheva L. M. Obssherossijskaja identichnost' i uroven' mezhnacional'nogo soglasija kak otrazhenie vektora konsolidacionnyh processov = All-Russian identity and the level of interethnic harmony as a reflection of the vector of consolidation processes // Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 1. S. 25-36.

8. Dronov V. T. Soglasie kak civilizacionnyj arhetip rossijskogo obshhestva = Consent as a civilizational archetype of Russian society // Sociologicheskie issledovanija. 2016. № 9. S. 157-160.

9. Evstifeev R. V. Konstruirovanie gorodskih identichnostej: celi, mehanizmy, aktory = Designing urban identities: goals, mechanisms, actors // Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki. 2020. Vypusk 4. S.75-89. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-4-75-89.

10. Efremenko D. V. Solidarnost' i al'truizm kak faktory social'nogo splochenija = Solidarity and altruism as factors of social cohesion / D. V. Efremenko, O. A. Simonova, Ja. V. Evseeva // Social'naja solidarnost' i al'truizm. Sociologicheskaja tradicija i sovremennye mezhdisciplinarnye issledovanija. Sb. nauchnyh trudov / Otv. red. D. V. Efremenko Moskva : INION RAN, 2014. S. 5-15.

11. Zadorin I. V. Lokal'nye identichnosti kak osnova formirovanija ustojchivykh mestnykh soobshhestv. Issledovanie obshhegorodskih identichnostej zhitel'ej Vladimira, Smolenska, Jaroslavlja = Local identity as basis of formation of steady local communities. Research of city identities of residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl / I. V. Zadorin, R. V. Evstifeev, P. L. Krupkin, S. D. Lebedev, L. V. Shubina. Moskva : Issled. gruppa CIRKON, 2016. 120 s.

12. Korjakovceva O. A. Razmyshlenija o grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi = Reflections on the civic identity of Russian youth // Social'no-politicheskie issledovanija. 2023. № 4 (21). S. 6-18. DOI:10.20323/2658\_428X\_2023\_4\_21\_6.

13. Nort D. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva = Violence and social orders. Conceptual framework for interpreting written human history / D. Nort, D. Uollis, B. Vajngast. Moskva : Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.

14. Politicheskoe soglasie: ot teorii k praktike = Political consensus: from theory to practice / pod red. prof. O. M. Mihajlenka. Moskva : RUSAJNS, 2016. 276 s.

15. Soglasie v obshhestve kak uslovie razvitija sovremennoj Rossii (politicheskie i social'nye aspekty) = Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects) / otv. red. O. M. Mihajlenok. Moskva : In-t sociologii RAN, 2011. 335 s.

16. Filippov A. R. Teoreticheskie podhody k issledovaniju obshhestvennogo soglasija = Theoretical approaches to public consent research / A. R. Filippov, O. G. Novikov // Social'no-politicheskie nauki. 2023. T. 13, № 5. S. 13–28. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-5-13-28.

17. Frolova E. V. Social'noe samochuvstvie rossijan vesnoj 2022 g. = Social well-being of Russians in the spring of 2022 / E. V. Frolova, O. V. Rogach // Sociologicheskie issledovanija. 2023. № 5. S. 160-166. DOI: 10.31857/S013216250024327-2.
18. Jarskaja-Smirnova E. R., Jarskaja V. N. Social'naja splochnost': napravlenija teoreticheskoi diskussii i perspektivy social'noj politiki = Social cohesion: directions of theoretical discussion and prospects for social policy / E. R. Jarskaja-Smirnova, V. N. Jarskaja // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2014. T. 17. № 4. S. 41–61.
19. Almakaeva A. Social Capital and Subjective Well-Being: Insights from Cross-Cultural Studies. 2021. 274 p.
20. Cheung Ch., Yue X. Happiness and Well-Being in Chinese Societies. Routledge. 2021.
21. Cheshmehzangi A. Identity of Cities and City of Identities. Singapore: Springer Nature Singapore. 2020. 261 p.
22. How Was Life?: Global Well-being since 1820, OECD Publishing. 2014.
23. How's Life? 2020. Measuring well-being. OECD. 2020.
24. How's Life? Measuring Well-being, OECD Publishing, Paris. 2015.
25. How's Life?: Measuring well-being, OECD Publishing. 2011.
26. Layard R., de Neve J.-E. Wellbeing. Science and Policy. Cambridge University Press. 2023.
27. Oman S. Understanding Well-being Data: Improving Social and Cultural Policy, Practice and Research. 2021. 405 p.
28. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. 1990. Cambridge University Press. 298 p.
29. Perspectives on global development 2012. Social cohesion in a shifting world / OECD, 2011.
30. Russia's Regional Identities. The Power of the Provinces // Edited by Edith W. Clowes, Gisela Erbslöh and Ani Kokobobo. Routledge, New York, 2018.
31. Russo M. Happiness and Domestic Life: The Influence of the Home on Subjective and Social Well-being. 2022. 264 p.
32. Social Capital and Community Well-Being. The Serve Here Initiative / Ed. Alva G. Greenberg, Thomas P. Gullotta, Martin Bloom. Springer, 2016.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted on 18.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication on 12.08.2024